

M.V. Usova
**The Methodological Bases
 of the Network Configuration
 of Concepts in the Modern
 Society**

It is proved that the concept of “network” characterizes both a society, and socio-philosophical ideas about it. The author proves the statement that concepts give an idea of the separate parties of society and their number is increasing. The idea of situational reconfiguration, assembly and reassembly of markers, depending on the maturity of concrete societies, research and practical tasks, ability to dialogue and communication, is introduced.

Key words and word-combinations: concepts, markers, methodology, network society, hybridity, reconfiguration.

Доказывается, что концепт «сеть» характеризует как общество, так и социально-философские представления о нем. Обосновывается утверждение, что концепты дают представление об отдельных сторонах социума и число их увеличивается. Высказывается суждение о ситуативной реконфигурации, сборке и пересборке маркеров в зависимости от зрелости конкретных социумов, исследовательских и практических задач, способности к диалогу и коммуникации.

Ключевые слова и словосочетания: концепты, маркеры, методология, сетевое общество, гибридность, реконфигурация.

УДК 316.32
 ББК 60.52

М.В. Усова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕТЕВОЙ КОНФИГУРАЦИИ КОНЦЕПТОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Исследование социума в социальной философии требует освоения имеющихся способов мышления об обществе как сложном объекте, создания концептуальных схем, их последующей операционализации и разработки соответствующего инструментария. Фундаментальным концептом, фиксирующим не только смыслы, но и ценности социально-философского исследования и его предметную сферу, является концепт «общество» в его отличие от «природы». Поэтому «общество» можно назвать метапонятием, определяющим представление о социуме как сложном, нелинейном, изменчивом и гибридном мире [1].

Понятие «современное общество», в свою очередь, является макроконцептом, его содержательное наполнение сложно и противоречиво, и его не удастся пока описать целостной теорией или моделью. Поэтому постоянно разрабатываются новые способы мышления и микроконцепты, в рамках которых изучаются те или иные стороны современного социума. Однако способы мышления и концептуальные схемы изучения такого предмета, как современное общество, характеризуются пестротой и многообразием конфигураций, что может быть оценено как вызов для социальной философии.

Одним из ответов на этот вызов может быть использование термина «маркер» как микроконцепта. На наш взгляд, он позволя-

ет осуществить операционализацию описания общества через систему индикаторов, свидетельствующих о некоторых существенных характеристиках социума, опознаваемого ими как современный.

Термин «маркер» успешно используется в социологии, культурной антропологии, геополитических концепциях, которые достаточно тесно соприкасаются с социальной философией, что позволяет транспонировать его использование и в этой предметной области [2].

Нами ранее был предпринят обзор и анализ актуальных исследовательских практик «маркировки» современного общества. Выделены такие маркеры, как общество модерна и постмодерна, открытое общество, транзитивное и глобальное, индустриальное и постиндустриальное, общество потребления и спектакля, социомедийное массовое общество, виртуальное общество, общество знания и риска, общество сетей и коммуникаций. Результатом анализа явился вывод, что знания о современном обществе является пестрой картиной концептов, подходов, моделей, теорий, которые сосуществуют, в значительной мере пересекаются и интерферируют [3]. Это – «оживленное многоголосие» микроконцептов (маркеров), где появляются новые голоса либо комбинации и композиции имеющихся голосов, что особенно заметно в так называемых междисциплинарных исследованиях [4].

Все это актуализирует вопрос: удерживается ли в настоящее время взгляд на общество как целое? Он имеет не только теоретическое, но и практическое значение, о чем свидетельствуют острые дискуссии экспертов по оценке сосуществующих «социумов» как современных – либо отсталых, традиционных, догоняющих и т.д. Если никто и ничто не удерживает целостность в условиях неустойчивости и многообразия социума, то возникает риск ошибок и кризисов в решении управленческих задач и неизбежной хаотизации социума. Этот вызов можно определить как «вызов сложности», на который классическое понимание общества не может дать адекватного ответа.

И это действительно так. Поэтому мы предлагаем другой подход, согласно которому социально-философское истолкование современного общества осуществляется не в форме теории классического образца, а как сборка, как комбинация, как сетевое конфигуративное знание. Его целостность – иного рода, нежели в «классических» системных представлениях об обществе.

Как отмечалось, многообразие концептуализаций современного общества и их комбинаций коренится в сложности и динамизме современного социума, его нелинейном развитии. Следовательно, оно детерминировано и ситуацией в методологии понимания общества как предмета социальной философии. Многообразие концептуализаций стало возможно потому, что произошел отказ от традиционного суверенного когнитивного субъекта в пользу коллективного, от единственно верного метода к сетевой координации и конфигурации различных методов. Рассмотрим эти изменения более подробно.

Действительно, в последние годы в методологии социально-гуманитарного исследования произошли существенные трансформации. Во-первых, возникли новые техники, методологические практики и соответствующие компетенции методологов. Отвергнуты онтологический монизм и дуализм, на смену которым

пришла работа с множественными и гибридными онтологиями и в условиях многоальтернативного выбора.

Во-вторых, изменился тип идентичности методолога. Некоторые исследователи говорят даже о возникновении нового «антропологического» типа методолога. Поскольку методологические практики становятся сетевыми, невидимыми, виртуальными, то востребованность получают методологи, умеющие работать в ситуации открытой коммуникации. «Формируются такие фигуры идентичности методологов, как сталкеры (разведчики), ментаты (осуществляют вольный интеллектуальный поиск), прогрессоры (совершенствуют мир), фреймеры (рамочники), легумы (номотеты, законотворцы), хакеры (деконструкторы содержания)» [5].

В-третьих, более четкими становятся статус и пространство методологической работы и понятие ее основных «образцов» [6]. Признается важным умение переходить от изучения объекта какой-либо дисциплины к анализу ее «рефлексивных содержаний» (понятий, подходов, концептов, ценностей, основных дискурсов и способов мышления). В центр внимания ставится способность перестраивать рефлексивные содержания в соответствии с определенными стратегиями (субъект-объектной, деятельностной, системно-структурной, гуманитарной, сетевой).

Таким образом, итогом последних лет можно считать разочарование в методологическом монизме и его критику, возникновение оригинальных методологических практик и нового антропологического гуманитарного типа методолога, способного работать в сетях в режиме постоянных коммуникаций и многоальтернативного выбора.

Фундаментальная особенность этой ситуации состоит в том, что она выступает как социокультурный разрыв, поскольку прежние (классические) формы исследования в области социально-гуманитарного знания поставлены под сомнение и подвергнуты достаточно жесткой критике.

Как отмечалось, иногда это расценивается как кризис социально-гуманитарного знания. Однако, по нашему мнению, это не так. Это, скорее, своеобразный запрос на сложность, на детализацию нюансов и постоянное изменение исследовательской «оптики». Разумеется, здесь есть риск, поскольку методология сталкивается с необходимостью работать с разными типами рациональности (классическая и неклассическая, восточная и западная, открытая и закрытая, коммуникативная и организационная рациональность, ограниченная рациональность).

В совместной сетевой работе эти разные типы рациональности совмещаются, сливаются, мутируют и т.д. [7]. В разных типах исследовательских процессов, в разных методологических традициях и школах берут верх те или иные типы, возникают акцентуации и центрации, исследовательские проекты окрашиваются в различные тона. Приходится все чаще встречать работы, где отдельно для каждого раздела перечисляются используемые приемы, подходы, методы, принципы, концепты, однако методологические основания, обеспечивающие целостность работы, формулируются невнятно.

И этому есть причины. Во-первых, пространство методологической работы в

настоящее время существенно расширилось. Традиционно наиболее развитой областью методологии считается познавательная деятельность, причем сама методология науки рассматривается как сфера активного влияния философии. Организационно это означает, что философия выполняет методологическую функцию в различных науках и рассматривает проблему границ и общественно-исторические форм и средств человеческой (в том числе научной) деятельности и методов ее построения, то есть переходит в сферу метафилософского исследования.

Теперь, в ситуации расширения, сюда попадают и другие области деятельности, в том числе практическая ее компонента, обыденное поведение людей. Следовательно, методолог становится фигурой транспрофессиональной, располагающей, однако, системно организованными технологиями работы с различными традициями, институтами и практиками [8].

Расширение пространства методологической работы делает необходимым определить: кто будет эту деятельность осуществлять, в каких институциональных формах, с какими ресурсами, которые окажутся соразмерными задаче транспрофессиональности? Ответ на этот вопрос довольно очевиден: это работа в режиме кооперации, автопоэзиса, сетей. Именно автопоэзис является формой, которая адекватна современной миссии методологии.

Такое положение было подготовлено всем XX столетием и закреплено текущим веком. В самом деле, прошлый век был веком «поворотов» и научных революций в понимании социума [9]. Упомянем самые важные из них: феноменологический, лингвистический, антропологический, онтологический, гуманистический, визуальный, пространственный повороты. Далее – поворот к вещам, к повседневности, к микро-перспективе, к различиям, к бытию, к истокам и т.д. Прделана мыслительная работа, существенно усложнившая наши представления о социуме и мире, методологических основаниях, концептах и методах их изучения. Достигнута так называемая цветущая сложность.

«Повороты», изменение оптики, новое зрение, детализация и нюансировка социальной реальности поставили исследователей на перекрестки, на развилки сети многоальтернативного выбора [10]. Это весьма непростая для социально-философской теории ситуация. Что-то исчерпывается, заканчивается, что-то приходит на смену. Но что – не ясно. Не есть ли это просто «цветущая и жужжащая неразбериха».

Если склониться к выводу о «неразберихе», как это часто и бывает, то это приводит к возникновению методологического скептицизма относительно построения интегративной теории современного общества. Современность воспринимается как то, что все время начинается и тут же кончается, как мелькание, быстрое устаревание, ожидание и прогнозирование конца, как смена кадра, картинка, темы. Современность предстает как текучая и в то же время тотальная в том смысле, что становится возможным все что угодно и какого-либо консенсуса или порядка не следует ожидать. Более того, его следует избегать. Современная методология – это лоскутное одеяло, Вавилон методологий. Отношения между различными подходами скорее напоминают военные действия между дисциплинами, интервенцию одной в другую [11].

«Будущее уже наступило. Просто оно еще неравномерно распределено», – утверждает У. Гибсон, писатель-фантаст, основатель стиля кибер-панк. Ф. Боас, американский социолог и антрополог, еще в середине XX в. выдвинул гипотезу о том, что в одно и то же время одно и то же общество может жить в разных хронологических порядках. Это означает, что одни живут, условно, в обществе постмодерна, а другие, например, живут в традиционной системе ценностей [12]. События последних десятилетий показали, что разные хронологические порядки не только сосуществуют, но и сталкиваются, иногда не на жизнь, а на смерть: современное / традиционное и сОвременное / свОвременное оказываются плохо совместимыми.

Разумеется, имеет место некий вызов и запрос на интегративную методологию. Множество моделей, «расцвет» в изучении общества и в то же время отсутствие целостности порождают «ностальгию» по систематизациям [13]. Эклектизация сознания, постоянные встряски «на поворотах» приводят к диссонансам. Возникает «тотальгия», тоска по сверхтотальности. Довольно трудно свыкнуться с мыслью, что форматы представлений об обществе в социальной науке и научно-образовательных практиках постоянно меняются, а глоссарии профессиональных сообществ не совпадают даже внутри отдельных сфер деятельности. Мы не знаем, какой концепт, какой ярлык-маркер через полвека восторжествует, как назовут наше и свое общество потомки, поскольку маркеры – это часто не только указание на почтенные теории, а хэштеги, метки, ярлычки, «темы».

Новая социальная оптика, ее непрерывная перефокусировка осуществляется через испытание различных методологических стратегий. В настоящей работе выявляются рекурсивные современной ситуации способы сборки «общей картины». Эти способы достаточной полно проанализированы в статье Т.П. Фокиной [14].

Во-первых, это сборка в виде карты. Данная идея была развита еще в работах Г.П. Шедровицкого. Рассматривая проблему синтеза знаний и соответствующих концептов и методов, он ввел понятия «модель-конфигуратор» и «методологическая план-карта» [15, с. 666]. Во-вторых, сборка осуществляется в виде конфигурации. В-третьих, общая картина социума восстанавливается на основе идеи синопсиса. Весьма продуктивна идея палимпсеста, особенно при исследовании культуры, этнонациональных и им подобных проблем. В-четвертых, создание целостной картины возможно в виде мозаики-пазла, особенно если это касается социальных явлений, природа которых фрагментарна и мозаична (например, массовая культура).

Карта, конфигурация, профиль, синопсис, палимпсест, мозаика, пазл – эти и другие *compositum*□ы, как способы «увидеть целое», близки по своей сути микроконцепту «сеть». Они могут, по нашему мнению, выступать как когнитивные феномены и специфичные практики сетевого подхода, своеобразного «сетцентризма» в социально-философских исследованиях современного общества [16].

Отметим также, что составление исследовательских конфигураций, особенно коллективное, требует новых форм кооперации, партнерства и консенсуса,

совместного поиска решения и договоренностей при рассогласовании видения, задаваемого разными маркерами. Иначе говоря, специфические сетевые исследовательские практики требуют особых форм институализации и коммуникаций.

Достижимо ли это? Поскольку мы ставим здесь знак вопроса, то предполагаем в духе методологического критицизма, что социальная реальность «в очередной раз» может сохранить своеобразную автономию и собственную жизнь, покинуть созданную маркировкой и конфигурированием сферу ее использования и манипулирования [17].

Эти опасения получают выражение в форме достаточно радикальных «новых поворотов» в понимании социума, которые «помогут» удержать если не целостность, то связь с реальностью. Упомянем исследования и практики весьма влиятельной концепции «пересборки социального» на основе акторно-сетевого подхода С. Вулгара и Б. Латура [18].

Сюда относится также прогноз относительно настоящей бури, которую намереваются произвести философы в ходе «эмпирического поворота», когда понятия окажутся «не фиксированными сущностями, но теориями, проистекающими из наблюдений, культурных верований и других источников. Экспериментальная работа ставит под сомнение идею, что мы можем найти устойчивые и окончательные, или аналитические, истины, независимые от опыта» [19].

Резюмируя наши размышления, отметим, во-первых, что современная ситуация в методологии характеризуется: расширением пространства методологической работы, разнообразием институтов, традиций и практик, которые могут подготавливать к методологической работе и быть ее предметом.

Во-вторых, сообщество тех, кто практикует рефлексию методологических оснований и методов построения концептов развивающегося социума, прирастает в режиме сетей и автопозиции.

В-третьих, концепт «сеть» характеризует не только само общество (в ряду других маркеров), но и состояние социально-философских представлений о нем. Число маркеров современного общества будет нарастать. Целостное представление о нем будет сетевым, формироваться как ситуативная комбинация, сборка и пере-сборка маркеров в зависимости от зрелости конкретных социумов, исследовательских и практических задач, способности к диалогу и коммуникации.

Основания для такого вывода есть. Социально-философская теория современного общества органично включает в себя представление о мире и социуме как сложной сети различных, но пересекающихся и ветвящихся путей и времен. Методология социально-гуманитарного знания располагает множеством концептов и практик работы со сложными и трансформирующимися социумами. Остается отыскать или сконструировать эффективные институциональные и организационные формы, в которых сетевое общество будет исследоваться в пересекающихся и ветвящихся когнитивных и методологических практиках.

Библиографический список

1. Афанасьева В.В., Анисимов Н. Нелинейное развитие социума: постнеклассический анализ // Власть. 2013. Вып. 1. С. 68–72.

2. *Лаиук И.В.* Социокультурные стратегии поведения как «маркеры» современной культуры // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 201–213.
3. *Усова М.В.* Сеть как маркер современного общества: социально-философский аспект // Вестник ПАГС. 2014. № 2 (41). С. 125–131.
4. *Изгарская А.А.* Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России. Новосибирск, 2012.
5. *Генисаретский О.И.* Фигуры идентичности методолога // Вопросы методологии. 1997. № 3–4. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1997/3-4/v973gen0>
6. *Розин В.М.* Х чтения памяти Г.П. Щедровицкого (рефлексивные наблюдения) // Философские науки. 2004. № 6. С. 140–152.
7. *Фокина Т.П.* Рациональность: типы и мутанты // Рациональность и государственное управление. Ростов н/Д, 1995. С. 37–41.
8. *Филатов Д.И.* Общая методология. Саратов, 2014.
9. *Депар П., Шейтин С.* Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М., 2015.
10. *Аршинов В., Редюхин В.* Синергетическая парадигма в контексте проблем регионального управления и устойчивого развития России // Городское управление. URL: <http://emsu.ru/um/default.asp?c=71&p=1>
11. *Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.* Лоскутное одеяло теорий, или Теория всего была возможна, пока мы знали очень мало // Методология и история психологии. 2011. № 1. С. 128–132.
12. *Боас Ф.* Некоторые проблемы методологии общественных наук / пер. Ю.С. Терентьева // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 499–508.
13. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой; науч. ред. С. Гавриленко. М., 2015.
14. *Фокина Т.П.* Размышления о современной методологии (три столба и два промежутка) // Учен. зап.: Профессорский выпуск: сб. науч. трудов. Саратов, 2008. Вып. 5. С. 95–117.
15. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995.
16. *Рыжов В.А.* Сетцентризм – управление сложностью. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/setecentrizm-upravlenie-slozhnostyu>
17. *Морен Э.* К пропасти? / пер. с франц. Г. Наумовой СПб., 2011.
18. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2014.
19. «Грядущее поколение философов устроит настоящую бурю»: Джесси Принц об эмпирическом повороте в философии. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/10078-prinz-interview>